

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ,

повествующая о том, как Сунь У-кун учинил буйство в пещере Золотой шишак, и о том, как Будда Татагата тайно указал ему того, кто может справиться со злым чудовищем

Мы остановились на том, как Сунь У-кун раздобыл свой посох с золотыми обручами, пробился за ворота, вспрыгнул на вершину и предстал перед духами, полный радости и восторга. Небесный князь Вайсравана обратился к нему:

— Ну как? Расскажи, что с тобой было?

Сунь У-кун ответил:

— Я изменил свой облик и незаметно проник в пещеру. Гляжу, а чудовище еще пуще поет и приплясывает, видно, охмелело от вина, выпитого по случаю победы. Выведать у него, где хранится волшебный обруч, было невозможно. Я зашел ему за спину и вдруг слышу звуки, похожие на ржание коней и стоны драконов. Я смекнул, что это были чудовища из воинства Огненной доблести. А у восточной стены, вижу, стоит мой посох. Я ухватился за него, расчистил себе путь и выбрался из пещеры.

Тут все духи-божества разом заговорили:

— Как же так? Ты свой волшебный талисман вернул, а когда мы возвратим наши?

Сунь У-кун стал их успокаивать:

— Это сущие пустяки! Теперь, когда у меня в руках мой железный посох, я покорю чудовище, как бы оно ни хитрило, и непременно верну вам всем талисманы.

В это время у подножья горы неожиданно ударили в барабаны, и громкие крики потрясли землю. Оказывается, это сам великий князь Единорог со всеми своими духами пустился в погоню за Сунь У-куном. Тот увидел его и вскричал:

— Вот хорошо! Лучшего и желать не приходится. Садитесь, уважаемые господа, и обождите меня, пока я изловлю это чудовище!

Ну и молодец Сунь У-кун! Подняв свой железный посох, он стремительно бросился вперед, крича:

— Стой, дьявол! Негодяй проклятый! Не уйдешь от меня! Отведай мой посох!

Но чудовище, отбив удар большим копьём, стало изрыгать потоки ругани:

— Ах ты, разбойная башка! Как же ты осмелился среди бела дня выкрасть у меня мое сокровище?!

Сунь У-кун ответил:

— Я тебя — скотина! Убить тебя мало! Не ты ли своим обручем похитил мой талисман? Стой, ни с места! Познакомься-ка теперь с моим посохом.

Чудовище прикрыло себя копьем, изо всех сил вращая его перед собой, и начался бой. Что это был за бой! Вы только послушайте:

Лютая ярость душой мудреца овладела,
Бросился он на волшебника — злобного Мару.
Оба противника, равно могучи и смелы,
В гневе великом друг другу наносят удары.
Палица тяжкая хлещет, как хвост у дракона,
Словно живая, кидается влево и вправо,
Вьется копьё, от нее отлетая со звоном,
Мечется, жертву приметившим грозным удавом.
Страшные звуки, рожденные битвой жестокой,
Вихрем промчались от края земли и до края;
Птицы умолкли, журчать перестали потоки,
Замерли реки, тому поединку внимая.
Мглой непроглядной оделись высокие горы,
Скрылись долины за серой туманной завесой,
Юркнули змеи в свои потаенные норы,
Звери укрылись в чащобах притихшего леса.
Только доносятся битвы глухие раскаты,
Только доносятся вопли и хохот безумный —
То помогают вождю своему бесенята,
Криком и визгом стремясь запугать Сунь У-куна.

Тщетны старанья их! Сильный не ведает страха

И не знаком ему горький позор поражения,

Палицей верной своею разит он с размаха —

Шел он доселе с победой дорогой сражений!

Но наконец повстречался достойный соперник

Палице грозной — копьё роковое, чья сила

Снежной горою Цзиньдоу уже давно завладела,

Дух ее вольный давно уж себе подчинила.

Кто ж из противников будет хитрее, сильнее?

Сможет ли Царь обезьян одолеть чародея?

Вот уже шесть часов бились друг с другом злой оборотень и Великий Мудрец Сунь У-кун, но все еще нельзя было сказать, кто из них победит. Между тем давно уже стемнело. Злой оборотень, заслоняясь длинным копьём, крикнул:

— Эй, Сунь У-кун! Постой! Уж совсем стемнело. Время не подходящее для поединка. Давай передохнем до завтра, а с утра снова померяемся силами.

Однако Сунь У-кун принялся ругать его:

— Мерзкая ты скотина! Замолчи! Я только сейчас вошел в раж, какое мне дело до того, что поздно. Я хочу во что бы то ни стало решить сейчас же, кто из нас окажется победителем!

Чудовище издало какой-то звук, сделало ложный выпад копьём и кинулось бежать. Вскоре оно вместе со своими бесенятами скрылось в пещере, плотно заперев ворота.

Таща за собой посох, Великий Мудрец вернулся на вершину горы, где был встречен приветственными возгласами небесных духов, с нетерпением ожидавших его.

— До чего же ты ловок, до чего силен, наш Великий Мудрец! Твоим талантам и силе нет меры, нет границ!

Сунь У-кун смеясь отвечал на это:

— Я недостоин таких похвал!

Тут небесный князь Вайсравана подошел поближе и сказал:

— Это не пустая хвала, а сущая правда. Ты действительно настоящий герой! На этот раз ты держался ничуть не хуже, чем в том бою, когда вся земля вокруг тебя была опутана небесными силками.

Сунь У-кун прервал его:

— Не будем пока говорить о том, что было. Я думаю, что в этом бою я задал злому оборотню-маре неплохую трепку. Он, должно быть, сильно утомился, но мне нельзя говорить об усталости. Прошу вас, ни о чем не заботиться, посидеть здесь немного и обождать, пока я снова не проникну в пещеру. Может быть, удастся разузнать, где хранится этот волшебный обруч, который обязательно надо украсть. Тогда мы изловим оборотня и вернем все, что он похитил у вас, чтобы вы могли с честью вернуться к себе на небо.

Тут в разговор вмешался наследник небесного князя:

— Сейчас уже поздно, лучше хорошенько выспаться, а завтра утром отправиться!

Сунь У-кун рассмеялся:

— Видно, что ты еще молод и неопытен! Где это видано, чтобы воровать ходили среди бела дня? Надо ходить за добычей по ночам и ночью же возвращаться, чтобы никто не видел и не слышал, вот тогда дело увенчается успехом.

Повелитель звезд Огненной доблести и повелители Грома и Молний обратились к наследнику:

— Вы лучше не вмешивайтесь! Ведь мы в таких делах совсем не разбираемся. А наш Великий Мудрец на этом, как, говорится, собаку съел... Пусть он воспользуется удобным моментом. Во-первых, злой оборотень, наверное, утомился; во-вторых, ночь нынче выдалась очень темная и помех не будет. Пусть только скорей отправляется. Иди же быстрее!

И наш прекрасный Сунь У-кун, посмеиваясь, спрятал свой посох, прыгнул с горного пика вниз и снова подошел ко входу в пещеру. Встряхнувшись, как обычно, он мигом превратился в сверчка:

Глаза его блестят, как бусы,

Он чернокожий, длинноусый,

На ножках тонких.

Он днем молчит, а лунной ночью

Поет, поет себе в потемках,
Поет, стрекочет.
Пусть дождь стучится в наши двери,
Пусть ветер воет лютым зверем,
Поет сверчок —
И всем несет покой, и радость,
И мирных сновидений сладость
Его смычок.
Как дорог всем нам песни этой
Напев знакомый,
Когда душа теплом согрета
Родного дома!
Но путник, что забрел дорогой
Под кров случайный
И спать улегся у порога,
Внимает песенке с тревогой,
С печалью тайной,
И одинокому не спится —
Тоской о родине томится!
В два-три скачка допрыгнул до ворот
Отважный Сунь У-кун, — и вот, —

пробрался сквозь щель внутрь и стал внимательно всматриваться в глубь пещеры, озаренной светом фонарей. Толпа больших и маленьких бесов со звериной жадностью уплетала какие-то яства. Сунь У-кун громко застрекотал и прислушался. В пещере вскоре убрали посуду и стали раскладывать постели. Наконец все улеглись. Прошло примерно столько времени, сколько положено для смены ночной стражи, в течение которого Сунь У-куну удалось пробраться во внутренние покои. Там он услышал, как злой чародей отдал такой приказ:

— Разбудить всех привратников у ворот. Пусть тщательно караулят и следят. Боюсь, как бы Сунь У-кун снова не пробрался сюда под видом какой-нибудь букашки и не обворовал нас.

Затем он услышал, как, беседуя между собой и звеня оружием, караульные направились к своим постам. Это было на руку Сунь У-куну. Он пролез через дверную щель в опочивальню и увидел там возле мраморного ложа напomaженных и напудренных лесных и горных волшебниц, которые расстилали постель и укладывали спать злого чародея. Одни снимали с него туфли, другие — платье. И вот, когда чародей освободился от одежды, Сунь У-кун заметил, как у него на левой руке выше локтя сверкнул волшебный обруч, похожий на жемчужный браслет. Вот так чудеса! Чародей и не подумал снять обруч. Наоборот, он подтянул его повыше к плечу, чтобы он еще плотнее стянул ему руку, и после этого улегся спать. Тут Сунь У-кун превратился в блоху, вскочил на мраморное ложе, залез под одеяло и устроился на руке, на которой был обруч. Затем он с силой укусил чародея и, видимо, так здорово, что тот перевернулся на другой бок и выругался:

— Ну и негодницы, эти рабыни, лентяйки! Мало я вас бил. Постель как следует не встряхнули, пыль с ложа не смели. Что за тварь так здорово меня укусила?

С этими словами он еще выше подтянул обруч и уснул. Сунь У-кун подобрался поближе к обручу и еще раз укусил чародея, который проснулся и стал ворочаться:

— Ох, как чешется, терпеть невозможно!

Убедившись, что обруч надежно защищен и чародей не растает с ним ни на минуту, Сунь У-кун был вынужден отказаться от намерения выкрасть его. Он спрыгнул с ложа и снова превратился в сверчка. Выбравшись из опочивальни, он направился к заднему помещению, где снова услышал стоны драконов и ржание коней. На двери, ведущей в заднее помещение, висел большой замок, а за дверью находились плененные обручем чародея огненные драконы и кони, подвешенные к потолку. Сунь У-кун принял свой обычный вид и, подойдя к двери, применил волшебный способ открывания замков. Он произнес заклинание и провел рукой по замку: раздался резкий звук — пружина лопнула, и замок раскрылся. Сунь У-кун толкнул дверь и вошел в помещение, внимательно оглядываясь вокруг. В помещении от огненного оружия, которое там находилось, было светло как днем. У стен стояли: секира, разящая бесов, талисман наследника, огненные лук и стрелы, принадлежащие повелителю звезд Огненной доблести, и многое другое. При ярком свете огня Сунь У-кун еще раз оглядел все помещение и увидел за дверью каменный столик, а на нем плетенный круг из соломы с клоком шерсти в середине. Обрадовавшись, Сунь У-кун взял в руки клочок шерсти дунул на него дважды своим горячим животворным дыханием и воскликнул: «Изменись!» Клок шерсти сразу же обратился в пятьдесят маленьких обезьян. Сунь У-кун велел им забрать все оружие: ножи, мечи, дубины, арканы, ловушку, луки, стрелы, копья, колесницы, тыквы-горлянки, а также огненных воронов, крыс и коней, — словом, все, что было похищено чародеем, злым оборотнем-марой. Сам Сунь У-кун взобрался верхом на огненного дракона и, дав волю стихии огня, поджег пещеру изнутри, пробираясь к выходу. В пещере гулко потрескивал огонь — казалось, взрываются новогодние хлопушки.

Все бесы, большие и малые, всполошились и спросонья стали хватать одеяла, матрацы и укрывались с головой. В отчаянии одни кричали, другие плакали, мечась из стороны в сторону и не находя спасения. Почти все бесы сгорели. Доблестный Царь обезьян Сунь У-кун возвратился с победой, а была еще только третья стража.

Вернемся теперь к нашим друзьям, которые ждали Сунь У-куна на вершине горы. Неожиданно они заметили яркое зарево, которое все приближалось к ним. Стали всматриваться и увидели Сунь У-куна. Восседая на огненном драконе, он подгонял маленьких обезьян, толпой скачущих к вершине горы. Приблизившись, Сунь У-кун громко крикнул:

— Идите, забирайте ваше оружие!

Повелитель звезд Огненной доблести и наследник небесного князя Ночжа разом отозвались. Тем временем Сунь У-кун встряхнулся всем телом, и клочок шерсти снова пристал к тому месту, откуда он его выдрал. Наследник Ночжа получил обратно свои шесть видов оружия, а повелитель звезд Огненной доблести велел своим подчиненным убрать огненных драконов, коней и все остальное. Все были очень довольны и благодарили Сунь У-куна, поздравляя его с победой. На этом мы пока и расстанемся с ними.

Вернемся теперь в пещеру горы Золотой шишак, объятую пламенем. Злой чародей Единорог струхнул не на шутку. Он поспешно вскочил, приоткрыл дверь и, взяв в обе руки волшебный обруч, направил его на огонь. Огонь сразу же стал гаснуть. Затем, не выпуская обруча из рук, чародей пробежался по пещере, наполненной дымом и гарью. Дым и гарь мигом исчезли. После этого он стал созывать свою челядь, но оказалось, что почти все сгорели. Уцелело немногим более сотни тварей. Тогда чародей отправился в помещение, где хранилось оружие, и обнаружил, что там пусто. Затем он пошел в заднее помещение. Чжу Ба-цзе, Ша-сэн и Танский монах лежали по-прежнему, крепко связанные по рукам и ногам. У кормушки стоял белый конь. Коромысло с поклажей было тут же. Чародей с досадой и злобой проговорил:

— Не знаю, кто из моих бесенят был неосторожен с огнем и устроил этакий пожар!

Стоявшие возле чародея его приближенные слуги заговорили:

— О великий повелитель! Никто из нас непричастен к пожару. Скорей всего его устроил разбойник, который уже пытался ограбить нас. Он выпустил силы огня и похитил все добытое нами оружие.

Тут чародея словно осенило, и он закричал в ярости:

— Больше никому! Это, конечно, напакостил он, зловерный Сунь У-кун, разбойник! То-то мне ночью все не спалось. Не иначе как он снова превратился в какого-нибудь гада и пробрался ко мне. Это он два раза укусил меня в руку. Так оно и есть. Видимо, хотел украсть у меня мой волшебный талисман, но, убедившись в том, что ему не снять его с моей руки, решил в отместку украсть оружие, которое я добыл в бою, выпустил огненного дракона и хотел сжечь меня. Эх ты, обезьяна! Зря хитришь. Тебе, видно, неизвестно, какой силой я обладаю! С этим волшебным обручем я не утону в самом глубоком море, не сгорю в самом громадном костре. О, попадись мне только в руки, я не успокоюсь, пока не сдеру с тебя шкуру.

Долго еще отводил душу разъяренный чародей и успокоился лишь тогда, когда прокричали петухи и стало светать.

Наследник небесного князя, получив обратно все шесть видов своего оружия, обратился к Сунь У-куну с такими словами:

— Великий Мудрец! Уже совсем рассвело и больше мешкать нельзя. Надо воспользоваться тем, что чародей устал, и снова вступить с ним в бой. Мы с огненными воинами окажем тебе помощь. Может, на этот раз нам повезет и мы схватим его!

Сунь У-кун согласился.

— Что ж, вы совершенно правы. Если действовать сообща, схватить его будет сущей забавой.

Разминаясь, они пофехтовали, а затем направились гуськом прямо к пещере. Сунь У-кун встал у входа и громко крикнул:

— Эй ты, чудовище, выходи! Мне очень хочется побить тебя!

Каменные ворота пещеры от сильного жара обуглились и раскрошились. Прислужники чародея подметали в воротах золу и пепел. Неожиданно увидев несметное количество небесных духов и праведников, прислужники перепугались, побросали свои метелки и веники, высыпали золу наземь и побежали в пещеру к своему господину:

— Сунь У-кун явился со множеством небесных духов, ругается и вызывает тебя на бой, — доложили они.

Услышав об этом, чародей сильно встревожился и заметался из стороны в сторону, скрежеща своими стальными зубами и вращая округлившимися глазами. Выставив вперед длинное копье и прихватив волшебный талисман, он вышел из пещеры навстречу Сунь У-куну и закричал на него свирепым голосом:

— Я тебе покажу, негодная обезьяна, разбойник! Какой силой ты обладаешь, что так презрительно относишься ко мне?

Сунь У-кун смеясь стал огрызаться.

— Злое чудище! Если ты хочешь знать, на что я способен, подойди поближе и выслушай меня:

Был наделен я с младенчества силой чудесной,

Слух о которой доныне гремит повсеместно.

Слава о ней по земле разнеслась и по тверди:

Мало мне было той славы земной и небесной —

Дух непокорный возжаждал достигнуть бессмертья.
Странствовал долго я, полный великого рвенья;
Долго искал я учителя, чьи наставленья
Мне бы открыли дорогу к вершинам познания,
Мне бы явили от смертных сокрытую тайну
Жизни, что вечно течет, не страшась завершения.
Час долгожданный настал, и проник я несмело
В ту дорогую смятенному сердцу обитель,
Где ожидал меня славный, достойный хранитель
Мудрости древней, дарующей жизнь без предела.
Он научил меня многим вещам сокровенным,
Мог я принять по желанью обличье любое;
Начал я знанья свои применять дерзновенно:
Вольно гуляя по всей необъятной вселенной,
Стал потрясать сумасбродно земные устои.
Я возомнил себя выше всех сущих законов.
Предков-воителей дух овладел непреклонно
Мною, и подвиг любой мне казался отрадой.
В бурных морях покорял я коварных драконов,
Походя тигров себе подчинял кровожадных.
Я укреплял свою волю в пещерах подводных,
В шуме ревущей стремнины ковал свою твердость,
В горные выси, к владениям духов свободных
Вечно влекла меня неутолимая гордость.
Высшим доверием был облечен я вначале:
Вышею милостью я удостоился званья
«Равного небу», и в честь величайших познаний,
Мной обретенных, Премудрым меня величали.

Также я звался прекрасным Царем обезьяньим.
К почестям был я приучен и почестей жаждал,
Снова и снова встречая везде поклоненье.
Но приключилося как-то со мною однажды,
Что неумышленно мне нанесли оскорбление:
Мне одному позабыли послать приглашение,
Дабы почтил я присутствием пир, что давала
В дивном саду своем вечно цветущем богиня,
Матерь царя Сиван-му. Сад над озером синим
Был расположен. Вода ключевая питала
Током своим его и до краев наполняла
Чашу крутых берегов животворною влагой.
В гневе своем преисполнившись злобной отваги,
Светлый источник похитил я дерзкой рукою,
Озеро вмиг превратив в каменистую сушу.
Горе, досада терзали мятежную душу!
Тайно, непрошеным гостем, проникнув в покои,
Где приготовили слуги достойной царицы
Разные блюда, я тотчас их пробовать начал.
Быстро хватая, глотая еду наудачу,
Съел я мозги драгоценные феникса-птицы,
Печень дракона и множество разных целебных
Яств перепробовал. Век свой продлил я сторицей,
Персиков дивных поев, что дарят долголетье.
В тайную тайных проникнул, напиток волшебный
Здесь отыскал и насытился им до предела.
Тот, кто вкушал его, на десять тысячелетий
Длил свою жизнь, достигая бессмертных удела.

Разных безделиц из ярких камней и злата,
Разных диковин бесценных похитил я много
В славной обители мудрых, в небесном чертоге.
Взял я иные себе, а иные запрятал.
Вскоре о буйстве моем, о неистовой силе
Стало известно Нефритовому властелину.
Войско небесное грозный собрал император,
Рати несметные в битву великую кинул.
Воинам дан был приказ, чтоб меня укротили.
Духов свирепых, что девять светил населяли,
Натиском бурным своим я тотчас опрокинул,
Разом подмял под себя — не они победили:
Я одолел их, и вмиг пред ними склониться?
Всем полководцам земным уготовил я встречу,
Раны тяжелые им нанеся и увечья.
Горечь бессилья познав и печаль поражения,
Все полководцы небесные с поля сраженья
Вспять повернули, меня не заставив смириться.
Тут император Нефритовый волей-неволей
Был принужден к Наполнителю рек обратиться.
Малый мудрец, наполнявший речные потоки,
Рать свою славную вывел на бранное поле:
Воинов в битве искусных и в сече жестоких.
Всей своей силой они меня не побороли!
Семьдесят раз и два раза свой облик меняя,
Я полководца и воинов дерзко морочил.
В мощи волшебной моей убедившись воочью,
Бросились те, словно птиц потревоженных стая,

В страхе на помощь к себе Гуаньинь призывая.
С Южного моря явилась она, словно вестник победы,
Равных себе в целом свете не зная героев!
Войско за войском неслись нескончаемым строем —
Так налетают в грозу градоносные тучи,
Видом своим утешая, — но страх мне неведом!
Вазу цветочную, веточку ивы плакучей
Также враги мои против меня обратили.
Все ж я держался ценою великих усилий,
Всей своей волей и тайным умением держался.
Но одолел меня некий противник сильнейший,
Сам Лао-цзюнь досточтимый, правитель мудрейший,
Против меня обративший свой скипетр алмазный!
Тут по рукам и ногам меня крепко связали,
Пред императором, словно преступник опасный,
Гордо склоняясь головою, покорно предстал я.
Судьи, собравшись, меня виноватым признали
В многих мятежных, злонравных, коварных деяньях.
Все, что решат они, мог угадать я заранее:
Должен за все поплатиться я жизнью своею
Судьи мои палачу приказали скорее
Острым мечом своим тотчас меня обезглавить...
Но не смогли они смертью моею прославить
Имя свое, ибо меч тот от согнутой шеи,
Словно от камня, отскакивал, искры роняя.
Недруги долго и тщетно трудились, не зная,
Как умертвить меня, чтобы вернее избавить
Землю и небо — весь мир от проказ моих дерзких,

Чтобы утихло в груди неумолчное сердце!
Шестеро духов меня, непокорного, ввергли
В печь, полыхавшую пламенем грозным и ярым!
Прочно за мною закрыли железную дверку. —
Но постигал я науку бессмертья не даром:
Жизнь моя жаркая в пламени том не померкла.
Сорок и девять томительных дней, не сгорая,
Тело мое закалялось, подобное сплаву.
Сбив все засовы, запоры умелым ударом,
Вышел из печи я, новой овеванный славой,
Новой наполненный силой и злобою новой:
Не удержали меня ни замки, ни оковы.
Был я готов повторять все былые забавы!
Духи найти на меня не сумели управы
И обратиться решили к великому Будде,
Чтобы помог всемогущий им сладить со мною,
Чтоб сотворил он для них долгожданное чудо,
Ибо ему лишь под силу свершенье любое.
Поднял меня Татагата одною рукою,
Перевернул, как младенца, и на землю кинул.
Гору высокую он на меня опрокинул,
Чтобы не смел я буянить, придавленный ею.
А император Нефритовый тут же затеял
Праздник и пиршество в честь усмирения неба.
С этого времени западный край величали
В память победы «Обителью радости крайней».
Тихо и праздно века надо мной протекали,
Но усмирен я своим наказанием не был, —

Тяжкой горою придавленный, злобствовал втайне.
Уста мои пищи полтысячи лет не вкушали;
Ни горсточка риса, ни капли душистого чая
Не проглотил я, в неволе жестоко страдая.
Может быть, я бы доныне под камнем томился,
Если бы праведник, самый старейшин из сущих,
В это же время на землю сойти не решился.
Светоч науки, добра негасимый светильник,
Был он мудрейшим в прошедших веках и в грядущих,
И Золотого кузнечика имя носил он
Средь обитателей неба, могучих, всесильных,
И среди смертных, в земных поселеньях живущих.
В Танской империи праведник тот появился;
Душу властителя славной империи этой
Старец премудрый был призван спасти от соблазнов
И напитать ее знанием, силой и светом.
Цели великой, достойной служба безотказно,
В путь он отправился долгий, тяжелый, опасный:
Будде великому старец желал поклониться
И попросить, чтоб пожертвовал Будда блаженный
Древние свитки и книги науки священной,
Чтоб к императору с ними он мог возвратиться.
В это же время Гуаньинь, что когда-то сразилась
С буйством моим, над бедою моею склонилась,
Ведая то, что смягчился порыв мой мятежный
В павших на долю мою испытаниях прежних,
Веря, что должен к добру я прийти неизбежно,
Стала она обращать меня в светлую веру

Будды благого, и словом его и примером

Меня убедила с безумством навеки расстаться,

Освободила меня из-под каменной глыбы,

К жизни прийти помогла и из праха подняться.

Ныне я в эти края отдаленные прибыл,

Путь свой на Запад держа, где священные книги

Мы обретем, вместе с праведным Танским монахом.

Дьявол негодный! Меня не научишь ты страху!

Зло на себя навлечешь, самому себе сделаешь хуже,

Коль не вернешь мне немедля достойного мужа!

Чудовище, выслушав все это, протянуло руку и, указывая пальцем на Сунь У-куна, яростно закричало:

— Так это ты осмелился учинить буйство в небесных чертогах! Стой, разбойник! Отведай-ка вкус моего копья!

Великий Мудрец отразил удар своим посохом и бросился на врага. Оба упорно сражались, не уступая друг другу. Стоявший за Сунь У-куном наследник Ночжа все больше распалялся, повелитель звезд Огненной доблести тоже был вне себя от гнева. Наконец они не вытерпели и обратили свое волшебное оружие и огненных воинов против злого дьявола. Сунь У-кун еще больше рассвирепел. С другого края начали действовать повелители Грома и Молний, а сам небесный князь Вайсравана взмахнул своим огромным мечом и начал разить им всех без разбора, независимо от чина и звания. Чародей дьявольски расхохотался и незаметно вытащил из рукава свой волшебный талисман. Затем он разжал руку, подкинул обруч высоко вверх и крикнул: «Лови!» Что-то звякнуло, и все чудесное оружие Ночжа, все огненные воины, громы и молнии, огромный меч небесного князя и железный посох Сунь У-куна оказались в чудесном обруче, а перед злым чудовищем стояли обезоруженные противники. Опять Сунь У-кун остался с пустыми руками. А злой дьявол, одержав победу, удалился восвояси, отдавая на ходу приказания своим слугам:

— Доставьте сюда каменные плиты и как следует заделайте ворота, да заодно и помещение почините. Когда все будет готово, мы зарежем Танского монаха и трех его спутников и принесем их в жертву местному духу земли. Всем вам достанется по лакомому кусочку.

Слуги бросились выполнять приказание своего господина, но рассказывать об этом пока мы не будем.

Тем временем небесный князь Вайсравана вместе с небесными полководцами вернулся на

вершину горы. Повелитель звезд Огненной доблести выразил недовольство наследником Ночжа. Он упрекал его в поспешности и нетерпеливости. Властитель Грома и Молний стал ворчать на небесного князя, обвиняя его в своеволии. Один только повелитель звезд Водной доблести стоял в сторонке и молчал. Сунь У-кун сразу заметил, что небесные воины недовольны друг другом. Он смекнул в чем дело, но сейчас ничего нельзя было предпринять. Подавив в себе досаду, он сделал веселое лицо и с усмешкой сказал:

— Уважаемые господа! Не огорчайтесь. Помните древнюю пословицу: «Победы и поражения — обычное дело для полководцев». Вот и меня постигла неудача в поединке с этим чудовищем, но я пока смирился. Ведь все это происходит потому, что у дьявола есть волшебный обруч, при помощи которого он причиняет нам вред, вот и теперь он снова обезоружил нас. Но не волнуйтесь, сейчас я схожу и узнаю, откуда этот дьявол взялся.

— Куда же ты теперь пойдешь? — спросил наследник Ночжа. — Ведь в прошлый раз ты ходил к Нефритовому императору, и по его приказу было проверено все небо, однако об этом чудовище так ничего и не узнали.

— Я вспомнил, — ответил ему Сунь У-кун, — что власть Будды безгранична. Вот и решил отправиться к Будде Татагате. Пусть окинет своим всевидящим оком все четыре материка и узнает, откуда появилось это чудовище, где оно живет, каково его происхождение и что за обруч у него, который обладает такой волшебной силой. Чего бы мне это ни стоило, я непременно изловлю дьявола, чтобы вы могли радостно вернуться на небо...

Тут все небесные духи-полководцы в один голос заговорили:

— Скорей принимайся за выполнение твоего прекрасного намерения. Не жди ни минуты, живей отправляйся! Скорей!

О, чудесный Сунь У-кун! Он сразу же перекувырнулся и очутился на облаке, которое быстро домчало его до горы Линшань. Там он спустился с облака на вершину по благодатному лучу и стал осматривать гору и ее окрестности. Вот что представилось его глазам:

Горы вздымались гряда за грядой,

Вверх громоздились одна за другою,

К самому небу рвались чередою

Снежных, сверкающих круч.

Их голубые вершины, казалось,

Лбами крутыми созвездий касались

Выше клубящихся туч.

С далей заоблачных свет благодатный

Кротко струился на мир необъятный,
И расстился под солнцем отрадный,
Дивный, таинственный край,
Край, что всех прочих чудесней и даже
Краше, быть может, чем родина наша —
Благословенный Китай.

Горные выси, глубинные недра
Жизнью дышали, извечной и щедрой,
И под порывами свежего ветра
Долу клонились кусты,
И на луга, на лесные поляны
Тихо роняли наряд свой багряный,
С веток слетая, цветы.

Мудрых монахов протяжное пенье,
Колоколов монастырских гуденье
В душу вселяли покой,
И постигали, склонясь в умиление,
Полные благочестивого рвенья,
Люди великого Будды ученье,
Смысл его вечно живой.

В рощах священных, в тени кипарисов
Древние старцы в сияющих ризах
Тихий вели разговор,
Взором следя, как в небесные дали
Белые аисты круто взмывали,
В необозримый простор.
Парами черные шли обезьяны,
Всем подносили плоды.

Шкурка звериная, вся без изъяна,
Светлой была, — как луной осиянна,
Нежная, глаже воды.
Средь небывалых цветов и растений
Так же попарно ходили олени
И раздавали дары.
Каждый от них получал аметисты,
Камни, рожденные в девственно чистом
Лоне гранитной горы.

Гордые горы! Крутые вершины,
Скаты, подъемы, ручьи и стремнины,
Необозримая даль!
В мире другие такие отроги,
Выси и скаты, пути и дороги
Сможешь ты встретить едва ль!
Только в краю этом видишь и чувствуешь всюду —
И на земле и на небе — благое величие Будды!

Сунь У-кун залюбовался чудесными горными видами. Вдруг кто-то сзади окликнул его:

— Откуда ты явился и куда путь держишь?

Сунь У-кун быстро обернулся и увидел перед собою бикшуни, почитаемую за ум и добродетель и удостоенную за это священным званием Арья.

— У меня есть важное дело к Будде, — с поклоном отвечал Великий Мудрец.

— Отчего же ты любишься здесь горами, а не спешишь в монастырь к Будде, хитрец ты этакий?

— Я впервые попал в этот чудный край, — отвечал Сунь У-кун, — потому и позволил себе такую дерзость.

— Ступай за мной, — приказала монахиня.

Сунь У-кун пошел следом за ней, и вскоре они подошли к воротам храма Раскатов грома. Им преградили путь восемь рослых хранителей Будды с алмазными жезлами в руках.

— Жди меня здесь, — сказала монахиня Сунь У-куну, — а я пойду доложу о тебе и скоро вернусь.

Сунь У-куну пришлось остаться за воротами. Между тем монахиня пришла к Будде, сложила руки в молитвенном приветствии и, поклонившись ему, сказала:

— У Сунь У-куна есть какое-то дело, и он хочет повидаться с тобою, Будда Татагата.

Будда велел передать хранителям, чтобы они впустили Сунь У-куна. После этого хранители отошли от ворот, дав дорогу Сунь У-куну.

Сунь У-кун, склонив голову, совершил глубокий поклон перед Буддой. Когда он закончил церемонию приветствия, Будда спросил его:

— Я слышал о том, что досточтимая бодисатва Гуаньинь освободила тебя от кары и ты, последовав закону Будды, дал обет охранять Танского монаха в его паломничестве на Запад за священными книгами. Каким же образом ты очутился сейчас здесь? Расскажи мне, что произошло?

Сунь У-кун опустил голову и стал рассказывать:

— О мой Будда, я расскажу тебе обо всем. Приняв твое учение, я отправился сопровождать Танского монаха, моего наставника, в его странствованиях на Запад. Когда мы дошли до горы Золотой шишак и достигли пещеры Золотой шишак, неожиданно появился главарь демонов по имени великий князь Единорог. При помощи волшебных чар ему удалось утащить моего наставника и сопровождавших его путников к себе в пещеру. Я пытался добром вымолить у него похищенных, но он не внял моим просьбам, и мы вступили с ним в поединок. У чародея есть волшебный обруч; вот этим обручем он и захватил мой железный посох. Я думал, что этот чародей — небесный полководец, спустившийся на грешную землю, и отправился в небесные сферы, чтобы узнать, кто он такой. Обыскали все небо, но чародея нигде не нашли; тогда Нефритовый император в помощь мне отрядил небесного князя Вайсравану с наследным принцем Ночжа. Но злодей снова пустил в ход свой обруч, обезоружил сына небесного князя и завладел всеми шестью видами его оружия. Я упрямился правителя звезд Огненной доблести сжечь чудовище небесным огнем, но чудовище справилось с огненными силами тем же обручем. Я стал просить правителя звезд Водной доблести залить его водой, но и это не удалось. Мне пришлось много потрудиться, чтобы выкрасть у него свой посох и захватить обратно все оружие, похищенное им. После этого мы снова вызвали его на бой, но он тем же способом обезоружил нас, и мы не смогли покорить его. Вот почему, мой Будда, я явился к тебе и молю проявить великую милость: сказать, что это за дьявол и откуда он родом. Я отправлюсь и захвачу его сородичей и соседей, а затем изловлю и его самого. Только так я

смогу спасти моего наставника и дать ему возможность честно и до конца выполнить свой долг.

Будда внимательно выслушал Сунь У-куна, окинул своим всевидящим оком все дали, хотя знал уже, о ком шла речь.

— Я знаю, о ком ты говоришь, — молвил Будда, — но не могу сказать тебе, кто он, потому что ты очень болтлив и неводержан, как и все обезьяны. Как только он узнает, что я рассказал о нем, он не станет биться с тобой, а явится сюда, на гору Линшань, и обвинит меня во всем происшедшем. Уж лучше я дам тебе волшебное средство, с помощью которого ты изловишь его.

Сунь У-кун еще раз поклонился Будде и поблагодарил его за помощь, а затем спросил:

— О Будда! Скажи мне, что это за волшебное средство, которое должно помочь мне?!

Вместо ответа Будда велел стоявшим подле него восемнадцати досточтимым архатам немедленно взять из сокровищницы восемнадцать крупинок, входящих в состав пилюль бессмертия.

Сунь У-кун спросил:

— А что делать с этими крупинками?

Будда отвечал:

— Ступай к той пещере и вызови чародея на бой. Когда он выйдет, вели архатам кинуть в него эти крупинки. После этого чародей не сможет пошевелинуться и оторвать ног от земли. Вот тогда ты и расправишься с ним, как тебе вздумается.

Сунь У-кун обрадовался и стал со смехом восклицать:

— Великолепно! Отлично! Замечательно! Ну, теперь я поспешу туда!

Архаты не осмелились мешкать и, взяв с собою крупинки пилюль бессмертия, вышли из ворот. Перед отправлением в обратный путь Сунь У-кун еще раз поблагодарил Будду.

Уже находясь в пути, Сунь У-кун заметил, что его сопровождают только шестнадцать архатов. Тогда он стал кричать:

— Что у вас здесь — рынок, на котором людьми торгуют!

— Кто торгует? — удивились архаты.

— Ну как же? Вас ведь было восемнадцать, а теперь только шестнадцать!

Не успел он договорить последних слов, как появились два досточтимых архата: Покоритель драконов и Укротитель тигров.

— Сунь У-кун, — сказали они с укоризной, — почему ты не соблюдаешь приличия? Мы выслушивали последние приказания Будды и потому немного отстали.

— Хитрите! Хитрите! Если бы я не крикнул, вы так бы и не появились здесь.

При этих словах остальные архаты дружно рассмеялись.

Затем они все вместе взлетели на благодатное облако и направили его к горе Золотой шишак.

Вскоре показалась и сама гора. Небесный князь Вайсравана первый заметил приближающееся облако и поднял всех, кто был с ним, встречать Сунь У-куна. Он порывался рассказать, что происходило с ними в отсутствие Сунь У-куна, но архаты прервали его.

— Незачем тратить время на разговоры! Ступай скорее и вызови чудовище из пещеры.

Великий Мудрец Сунь У-кун, сжимая кулаки, приблизился к пещере и начал браниться:

— Эй ты, толстобрюхий! Живей вылезай из своей берлоги. Я, Сунь У-кун, твой дед, хочу помериться с тобой силой. Посмотрим, кто из нас на этот раз возьмет верх?

Бесы, охранявшие ворота, побежали доложить своему господину о появлении Сунь У-куна. Чародей разозлился:

— Вот негодяй! Наверное, опять кого-нибудь привел с собой.

Слуги сообщили:

— Он стоит у ворот один. Рядом с ним никого нет.

Тут чародей стал размышлять вслух:

— Странно, как это он пришел один? Ведь его посох у меня. Уж не собирается ли он драться со мною на кулачки?

Захватив волшебный обруч и взяв в руки длинное копье, чародей направился к выходу, приказав своим слугам отвалить камни от ворот. Одним прыжком он выскочил за ворота и, увидев Сунь У-куна, начал браниться:

— Ты что, разбойник! Сколько раз я бил тебя. Тебе следовало бы скрыться, а ты опять здесь кричишь?

— Негодяй! — отвечал Сунь У-кун. — Что ты понимаешь! Если хочешь, чтобы я не приходил больше сюда и простил тебя, сейчас же отдай мне моего наставника и его спутников, вырази свою покорность и попроси у меня прощения.

— Те трое, о которых ты говоришь, — отвечало чудовище, — уже обмыты и скоро их зарежут. Чего же ты здесь путаешься? Убейся вон!

Сунь У-кун, услышав слово «резать», сразу же подпрыгнул, щеки у него запылали жаром, он перестал важничать и, не помня себя от гнева, стал размахивать кулаками, боком приближаясь к чудовищу и стараясь вцепиться ему в морду. Чудовище пустило в ход свое длинное копье и заслонило другой рукою. Сунь У-кун стал прыгать то слева, то справа, дразня дьявола, который пустился вдогонку за ним, все удаляясь от пещеры. Дьявол, видимо, не догадывался о хитром замысле Сунь У-куна. А Сунь У-кун кликнул архатов, которые бросили в злого дьявола крупинки философского камня. То были замечательные крупинки. Вы только послушайте, читатель, что произошло:

Горы покрылись глубокою мглою,
Грозный туман навис над землею,
Сонмы крупинок взвивались, роились,
К небу взлетали и долу стремились,
То собирались в тяжелую тучу,
То рассыпались по каменным кручам,
То устремлялись сплошною лавиной
Вниз по обрывам— в леса и долины.
Птицы небесные сбились с пути,
Странник не может дороги найти,
И за порог не идет домосед,
Кличет в тревоге соседа сосед,
В мраке не видно ни зги, ни огня,
Ночь наступила средь ясного дня...

Мчатся крупинки, не зная покоя,
Сеются в воздухе тонкой мукою,
Солнечный свет закрывая собою
Белой стеною — сплошной пеленою.
То эликсира бессмертья частицы!
Может ли вещей полет их сравниться
С прахом, что летней порою клубится,
С пылью, летящей вослед колеснице?
Кто же творец небывалого чуда?
Мудрые старцы, приверженцы Будды,
Только едва овладев талисманом,
Землю и небо застлали туманом,
Свет обратили в печальную тень,
Мраком одели сияющий день,
Бурно призвали и тьму, одержимы
Думой одною и целью единой —
Чарами демона злого опутать,
Снежною сетью обвить и окутать,
Грузом тяжелым к земле придавить,
Чтобы его, наконец, изловить.

Тем временем злой дьявол, которому бесчисленные песчинки засорили глаза, наклонил голову, и тут же почувствовал, что ноги его увязли в глубоком песке; он так перепугался, что весь вытянулся и подпрыгнул, но не успел стать на землю, как снова увяз. В сильном волнении он стал попеременно вытаскивать то одну, то другую ногу. В тот же момент он достал свой волшебный обруч, подкинул его вверх искомандовал: «Лови!» Раздался свист, и все восемнадцать крупинок попали в круг. Дьявол уволок крупинки к себе в пещеру.

Архаты с пустыми руками собрались на облаке. Сунь У-кун подошел к ним и спросил:

— Что же это вы, досточтимые праведники и приверженцы Будды, не пустили в ход свой волшебный талисман и не закидали крупинками пилюль бессмертия злого дьявола?

— Мы сделали все, что нужно, — отвечали архаты, — но как только раздался свист, крупинки разом исчезли.

Сунь У-кун рассмеялся.

— Видно, и на этот раз он уволок их своим обручем.

Тут в разговор вступили небесный князь Вайсравана и остальные небесные полководцы.

— Каким же все-таки способом изловить его? — спросил небесный князь. — Вот уж поистине существо, которое ничто не берет! Когда же мы вернемся на небо? Как сможем смотреть в глаза Нефритовому императору?!

Стоявшие поодаль два архата — Покоритель драконов и Укротитель тигров — обратились к Сунь У-куну:

— Знаешь ли ты, почему мы оба задержались, когда выходили из обители Будды?

— Не знаю, — отвечал Сунь У-кун. — Иначе я не стал бы бранить вас. Почему же вы задержались?

— Будда сказал: «Чудовище обладает огромной волшебной силой и если вы лишитесь крупинок пилюль бессмертия, велите Сунь У-куну направиться к Лао-цзюню, на небо, во дворец Тушита, где не знают, что такое ненависть. Там он найдет следы этого чудовища, и его легко будет изловить».

Выслушав архатов, Сунь У-кун опечалился:

— Какая досада! Какая досада! — повторял он. — Даже Будда одурачил меня. Почему он тогда не сказал мне всю правду об этом? Тогда вам всем не пришлось бы зря совершить столь дальний путь!

Небесный князь Вайсравана прервал его:

— Раз Будда велел поступить именно так, нечего раздумывать. Поспеши лучше в путь.

Сунь У-кун не стал спорить и сразу же одним прыжком очутился на облаке и помчался прямо к Южным воротам неба. В это время у ворот дежурили четыре небесных полководца, которые, сложив руки в приветствии, спросили его:

— Ну что, удалось изловить чудовище?

Сунь У-кун на ходу отвечал им:

— Пока еще нет! Но зато теперь я знаю, где искать на него управу.

Полководцы пропустили Сунь У-куна в небесные ворота. На этот раз он миновал дворец Чудодейственного неба, не заходил в чертог созвездия Ковша и Вола, а проследовал через все тридцать три небесные сферы и очутился перед дворцом Лао-цзюня.

У входа стояли два отрока-привратника, но Сунь У-кун без доклада направился прямо к дверям. Отроки сперва растерялись, но в следующий же момент задержали Сунь У-куна.

— Ты кто такой? Куда идешь? — допытывались они.

Сунь У-кун отвечал им:

— Я — Великий Мудрец, равный небу, Сунь У-кун, спешу по важному делу к почтенному старцу Лао-цзюню. Отойдите прочь!

— Нельзя быть таким невежей! — сказал тогда один из отроков. — Обожди здесь, пока о тебе доложат.

Но разве мог стерпеть подобное обхождение наш храбрый Сунь У-кун? Он грозно прикрикнул на привратников и вошел во дворец. Тут навстречу ему вышел сам Лао-цзюнь, и они столкнулись лицом к лицу.

Сунь У-кун изогнулся в низком поклоне, а затем сказал:

— О почтенный господин мой! Давно не имел чести видеть тебя.

Лао-цзюнь рассмеялся:

— Что же ты, обезьяна, не исполняешь своего долга? Почему не следуешь на Запад за священными книгами. И зачем тебя занесло сюда?

Сунь У-кун отвечал ему так:

Опасными, неведомыми тропами,

Неторными путями сокровенными

За книгами священными спешу.

Мне в книгах тех большое утешение,
Несут они отрадное волнение.
Сними с пути преграду, я прошу!

Лао-цзюнь удивился:

— Какое я имею отношение к преграде, возникшей на пути в западные страны?

На это Сунь У-кун отвечал:

Со странами, буддистам всем известными,
Шутить, поверь, совсем неинтересно мне.
С волшебными чертогами небесными
Я тоже не шучу.

Но чудище торчит непоборимое
Преградой на пути неодолимою.
Где обитает эта тварь незримая? —
Найти ее хочу!

Лао-цзюнь обиделся:

— Что за тварь такая может здесь быть у меня? Разве тебе неизвестно, что это место является обителью самых праведных отшельников?

Сунь У-кун смело вошел во внутренние покои, шаря своими острыми глазами. Он прошел целую анфиладу комнат и галерей и очутился на заднем дворе. Там он сразу же заметил, что ворота хлева распахнуты настежь, стойло для вола пусто, а отрок, стороживший хлев, сладко дремлет.

Сунь У-кун обратился к Лао-цзюню:

— Вол ушел из хлева, почтенный старец! Видишь, его нет в стойле!

Лао-цзюнь сильно встревожился и стал кричать:

— Эй! Куда девался вол? Когда он исчез?

От крика отрок сразу же очнулся, опустился на колени перед Лао-цзюнем и стал оправдываться:

— О мой отец! Прости меня, — умолял он. — Я нечаянно заснул и не знаю, когда пропал вол!

Лао-цзюнь принялся ругать его.

— Экий ты негодник! Как же ты посмел уснуть?

Отрок начал отбивать земные поклоны и честно признался:

— Я подобрал на полу пилюльку и проглотил ее. После этого меня стало неудержимо клонить ко сну.

— Вот оно что!—произнес Лао-цзюнь. — Это наверное из тех пилюль, которые я семь раз переплавлял в тигле несколько дней тому назад. Помню, помню, одна пилюлька упала на пол и куда-то закатилась. Ее-то ты, негодяй, и съел. А пилюли эти снотворные. Стоит проглотить одну и будешь спать без просыпа семь суток. Стало быть все эти дни вол находился без присмотра. Вот он и воспользовался удобным случаем и удрал на грешную землю. Сегодня как раз седьмой день.

Он сейчас же послал проверить, целы ли все волшебные талисманы и не захватил ли с собой чего-либо сбежавший вол.

— У него нет при себе никаких драгоценностей, кроме волшебного обруча, обладающего великой силой.

Лао-цзюнь поспешно стал проверять все свои сокровища, и оказалось, что не хватает браслета из алмазов.

— Ах ты, негодная скотина! — вскричал Лао-цзюнь, — украл мой алмазный браслет.

— Так вот, оказывается, какой у него талисман, — сказал Сунь У-кун. — С его помощью чародею и удалось одолеть меня. Многое он уволок этим обручем за все то время, пока резвился в низших сферах на грешной земле!

— А где он сейчас находится? — спросил Лао-цзюнь.

— В пещере на горе Золотой шишак, — отвечал Сунь У-кун. — Он уволок к себе моего наставника Танского монаха и мой железный посох с золотыми обручами. Там же находится волшебное оружие наследника небесного князя Вайсраваны, который помогал мне сражаться со злым дьяволом. Кроме того, чародей уволок все огненные доспехи и припасы властителя

звезд Огненной доблести, которого я тоже просил помочь мне. Только правителю звезд Водной доблести удалось сохранить все свое оружие. Я обратился к Будде Татагате за помощью. Он дал восемнадцать крупинок пилюль бессмертия своим архатам, чтобы они засыпали ими чудовище, но эти крупинки тоже были похищены обручем и попали в пещеру. Вот сколько бед причинил этот негодный вол, и если ты, Лао-цзюнь, признаешь себя его хозяином, то придется тебе расплачиваться за его преступления. Знаешь, какую кару ты заслужил?

Лао-цзюнь задумался:

— Этот алмазный браслет помог мне пройти незамеченным через заставу Ханьгугуань, — проговорил он, — я с малых лет трудился над его изготовлением. Его не берет никакое оружие, ни огонь, ни вода. Хорошо, что он не украл мой волшебный веер из высушенного листа банана. Тогда и я не смог бы справиться с этой скотиной.

Тут Великий Мудрец Сунь У-кун возрадовался и последовал за Лао-цзюнем. Лао-цзюнь взял свой волшебный веер и, встав на благодатное облако, отправился в дальний путь вместе с Сунь У-куном. Обитель праведных небожителей осталась позади. Миновав Южные ворота неба, они направили облако вниз и достигли горы Золотой шишак. На одном из ее склонов они увидели восемнадцать праведных архатов, повелителей Грома и Молний, повелителей звезд Огненной и Водной доблести и небесного князя Вайсравану с наследным принцем, которые стали рассказывать обо всем, что произошло и что вам, читатель, уже известно. Затем Лао-цзюнь обратился к Сунь У-куну:

— Ну, Сунь У-кун! Сходи-ка еще раз и вызови эту скотину из пещеры, чтобы я мог увести ее к себе.

Сунь У-кун спрыгнул с вершины пика вниз и, очутившись прямо у пещеры, начал громко кричать и ругаться:

— Эй ты, толстобрюхая скотина! Живей выходи, сейчас я расправлюсь с тобой!

Привратники снова кинулись с докладом к своему повелителю. Злой дьявол заворчал:

— Этот разбойник опять кого-то привел с собой. Поспешно схватив свое длинное копье и волшебный обруч, он вышел из ворот.

Сунь У-кун стал осыпать его руганью:

— Дьявол ты этакий! Ну, уж на этот раз тебе несдобровать, настал твой смертный час! Стой, ни с места!

С этими словами Сунь У-кун стремглав подскочил к чудовищу, изо всей силы закатил ему звонкую оплеуху, а затем быстро отскочил и бросился бежать. Вращая свое копье, дьявол

кинулся вдогонку, но вдруг услышал знакомый властный голос, прозвучавший с вершины горы:

— Вол! Почему ты не возвращаешься в свое стойло? Долго я буду ждать тебя?

Подняв голову, дьявол увидел своего повелителя Лао-цзюня и, дрожа всем телом от страха и ужаса, стал бормотать:

— Эта вороватая обезьяна хитрее всех на свете! Как это ей удалось найти моего повелителя и привести его сюда?!

Лао-цзюнь тем временем прочел какое-то заклинание и взмахнул своим волшебным веером. Чудовище сразу же выронило волшебный обруч и застыло на месте. Лао-цзюнь спустился, взял его за загривок, махнул своим веером, и чудовище сразу же приняло свой настоящий вид, превратившись в черного вола. Затем Лао-цзюнь взял обруч, дунул на него, и обруч превратился в кольцо. Лао-цзюнь продел кольцо в ноздри вола, снял с себя пояс, привязал его одним концом к кольцу, другой конец взял в руки и повел вола за собой.

С той поры волам стали продевать кольца в ноздри, а сами кольца получили название гость-молодчик.

Лао-цзюнь распрощался с небесными духами, оседлал черного вола и, подстегнув его, мигом очутился на облаке и вернулся в свою обитель. Он привязал вола в стойле и вознесся в свои чертоги в небесной сфере, где не ведают ни печали, ни ненависти.

Наконец-то Великий Мудрец Сунь У-кун вместе с небесным князем Вайсраваной и остальными небесными воинами проникли в пещеру, перебили всех оставшихся там бесенят, — их было больше сотни, — а затем каждый взял похищенное у него чародеем оружие. После этого Сунь У-кун поблагодарил всех, и небесный князь со своим сыном возвратились на небо, повелители Грома и Молний вернулись в свои владения, повелитель звезд Огненной доблести отправился на свое созвездие, повелитель звезд Водной доблести вернулся в Желтую реку, а праведные архаты отправились на Запад.

Когда все удалились, Сунь У-кун вошел в пещеру, освободил Танского монаха, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна и достал свой железный посох. Трое освобожденных стали благодарить Сунь У-куна, а затем привели в порядок коня, собрали всю свою поклажу и покинули пещеру. Вскоре они вышли на большую дорогу и двинулись дальше на Запад. Не успели они пройти и нескольких шагов, как услышали громкие крики.

— О Танский монах! Отведай скромную трапезу, приготовленную для тебя!

У Танского монаха сердце замерло от страха.

Вам, читатель, конечно, неизвестно, кто звал Танского монаха. Если вы хотите об этом узнать,

прочтите следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/287901>